

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

С. Р. АБРАМОВ	заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор
Ю. Б. БОРЕВ	главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор
М. Н. ВЕТЧИНОВА	профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук
Ренэ ГЕРРА	доктор филологических наук Парижского университета (Франция)
Е. В. ИВАНОВА	ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук
Роберт Ф. ИЛСОН	научный сотрудник Лондонского университета
А. В. КОВТУН	специалист Волонтерского центра Тверского государственного университета
Чарльз МакГРЕГОР	профессор Института Всемирного банка (Великобритания)
З. Н. ПОНОМАРЕВА	доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук
Майкл ПУШКИН	почетный старший научный сотрудник Центра изучения России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания)
С. В. СНАПКОВСКАЯ	заместитель исполнительного директора Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
С. Г. ТЕР-МИНАСОВА	президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
Д. А. ЩУКИНА	заведующая кафедрой русского языка и литературы Национального минерально-сырьевого университета «Горный», доктор филологических наук, профессор

С. Р. АБРАМОВ: — Дорогие друзья и коллеги! Позвольте мне открыть заседание нашей секции, вести которую мы будем вместе с известным нам всем французским славистом, профессором Ренэ Герра. Проблема диалога культур, которой посвящена уже не впервые наша конференция, нам, филологам, понятна и близка как никому иному, ибо любой диалог культур, который имел место в письменный период истории человеческой цивилизации, непременно находил свое отражение в литературных источниках, в текстах.

Всякий общественный проект (в том числе проект глобализации) обретает практический смысл лишь тогда, когда в нем содержится идейная программа, способная завоевать массы, а также когда этот проект реализуют личности, способные служить проводниками идей и являть собой, всей своей жизнью пример служения идее, способные стать эмблемами этой программы. Очевидно, что глубина и теоретическая проработанность идеи и нравственное и культурное превосходство ее сторонников — одни из основных гарантий ее успеха. Не говоря уже о том, что идея не может быть эгоистической, ограни-

ченной частными интересами группы, а проводники ее — руководствоваться корыстными мотивами. Современная глобализационная программа, о которой на протяжении последних лет, в том числе и на этой конференции, сказано уже немало, не предъявила еще ни внятной концепции, ни привлекательной для всех цели, ни безупречных адептов. К тому же это далеко не первый проект объединения человечества. От строительства Вавилонской башни и древних империй до идей мировой революции и русского космизма было предложено множество проектов, в том числе и весьма успешных. Один из них — идея устройства вселенской христианской церкви, намеченная уже в Новом Завете в апостольских посланиях Павла и воплощенная на практике вселенскими соборами и трудами выдающихся христианских деятелей — святых отцов и учителей Церкви. Мы поговорим об этих проблемах сегодня с позиций филологии, рассмотрим, как они отразились в литературных текстах, в истории национальных литератур, в художественном дискурсе, в межкультурной и межъязыковой коммуникации. Вполне уместно будет и обсуждение проблем филологического

и — шире — гуманитарного образования, формирования личности посредством литературы. Слово предоставляется профессору Юрию Борисовичу Борову.

Ю. Б. БОРЕВ: — На пленарном заседании были сделаны замечательные доклады, в частности блестяще выступил Александр Сергеевич. Было упомянуто одно ключевое слово — «конвергенция». Я думаю, что диалог XX и XXI веков — это диалог социализма и капитализма, причем этот диалог иногда перерастал в конфликт. В таком диалоге не может быть абсолютного победителя. Жданов говорил о том, что «главное в конфликте — не победа, а соглашения». Победа социализма в Венесуэле сегодня чревата серьезными конфликтами, победа НАТО в Югославии, когда бомбили Белград, чревата потерей этой организацией морального облика. Китайцы вышли вперед в развитии главным образом за счет того, что пошли по пути конвергенции, соединения достоинств социализма (социальной программы) и капитализма (рынка). По этому же пути идут и Скандинавские страны.

Одними из важных событий XX века стали Октябрьская революция и крах СССР. Октябрьская революция принесла много бед: Гражданская война, террор. Вместе с тем она открыла дорогу интернационализму. И если Россия многое потеряла в ходе революции, то западный мир выиграл, потому что он впервые обратился к анализу общества массового потребления. Я думаю, что общество массового потребления — это виток Октябрьской революции. Крах СССР стал всемирным историческим событием, о трагизме этого события хорошо сказал Путин. Поэтому, на мой взгляд, проблема конвергенции — одна из важнейших.

С. Р. АБРАМОВ: — Вопрос о социально-политических взаимоотношениях различных систем и другие не могут быть исчерпаны ни в рамках пленарного заседания, ни в пределах секционных дискуссий. Мы, однако, должны ограничить нашу дискуссию проблематикой, связанной с филологическими, литературно-критическими, историко-литературными проблемами.

Р. ГЕРРА: — Совершенно с этим согласен.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — На протяжении развития человеческой цивилизации литература является одним из основных способов передачи культурных достижений. Литературу можно называть «языком» диалога культур. Литература, как и произведения культуры, невидимым образом соединяет прошлое, настоящее и будущее, а культурное прошлое помогает человеку лучше понять настоящее. Благодаря литературе и ее развитию от древности к современности культуры различных цивилизаций были сохранены, развиты и постепенно превратились в общечеловеческую культуру. Литература — мощнейший источ-

ник культурного развития и межкультурного диалога. Это сосредоточение человеческих интересов, к пониманию которых во все времена стремилось человечество. Через увлечение литературой постигаются культура, окружающий мир, человек, ментальность народа, его характер, образ жизни, традиции. Литература является одним из выражений человеческого духа, о чем замечательно размышлял философ Семен Людвигович Франк.

Для того чтобы в настоящее время объяснить человеческую жизнь, нужно изучать произведения искусства, письма, дневники, биографию, историю, но не научную литературу по психологии. Чтение литературных художественных произведений дает ряд конкретных образов, вызывает чувства, заставляет радоваться, жалеть, пробуждает сострадание, любовь, уважение к доброму, презрение, отвращение к низости и пошлости, негодование по поводу подлости.

Однако сегодня отмечается значительное снижение интереса к чтению, влияния литературы на формирование духовно-нравственного мира детей, подростков, молодежи. Именно поэтому общественность призывает к повышению читательской культуры, которая оказывает положительное влияние на общую грамотность, мировоззрение, ценностную ориентацию.

Продуманное литературное образование, планомерно реализуемое, оказывает положительное влияние не только на общую грамотность современных молодых людей, но и на их способность, готовность участвовать в межкультурной коммуникации, стать полноценными активными участниками диалога культур. И может быть, тогда XXI век, как и XIX, по праву можно будет назвать читающим. Чем больше мы читаем, тем больше мы узнаем чужую культуру, становимся толерантными, и это имеет огромное значение.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется Евгении Викторовне Ивановой.

Е. В. ИВАНОВА: — На пленарном заседании Ренэ Герра говорил о важной для русской культуры теме — о том влиянии, которое на нее оказала французская культура. Когда мы говорим о русской культуре как национальной, необходимо сформулировать, что мы понимаем под этим термином. Д. С. Лихачев отмечает одну важную особенность русской культуры — участие в ее создании людей разных национальностей: в древнерусской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан), сербы (Пахомий Логофет), греки (Максим Грек), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвы (по-видимому, протопоп Аввакум и патриарх Никон), белорусы, украинцы... Все они были включены в созидательный процесс развития русской литературы. Изначально фундамент русской культуры был многонациональным, многие народы слились в созидательном процессе создания русской культуры.

Затем наступил период, когда (и об этом вчера говорил профессор Герра) русская культура развивалась под сильным влиянием французской культуры. Пушкин, Тютчев писали по-французски. Вообще в част-

ной жизни, воспоминаниях люди всегда переходили на французский язык как более приспособленный для литературы. В то же время и Пушкин, и Тютчев написали много замечательных русских стихов. То есть национальное загадочно в своем субстрате, сложно определить, что в литературе национальное, а что многонациональное.

Что определяет русскую культуру? Изначально она многосоставна, но в ядре своем однонациональна. Это самое трудное в определении русской культуры. Например, французская культура мононациональная, но однородная. Но у нас есть писатели, о которых нельзя однозначно сказать, кто они по национальности. Недавно в «Новой газете» была опубликована статья, где ставился вопрос о том, что же можно называть русской культурой, если Лермонтов — шотландец, Пушкин — эфиоп, и делался вывод, что русской культуры вообще не существует. Мне кажется, что первое слово в названии в нашей секции — «национальные», — пожалуй, самое трудное.

С. Р. АБРАМОВ: — Позвольте несколько слов в связи с выступлением Евгении Викторовны Ивановой, особенно ее финальной части, которая меня глубоко взволновала. Она вновь напомнила мне об одной болезненной для меня лично проблеме, с которой я постоянно сталкиваюсь в России. У нас появилась крайне неприятная, но весьма хорошо финансируемая тенденция подвергать остракизму и деструкции само понятие русской культуры и вообще русскости. Одно лишь упоминание о русскости, русском характере, русском этносе, русской нации объявляется шовинизмом, даже нацизмом, фашизмом. Русским внушают, что говорить об этничности, о национальном стыдно, неприлично, несовременно. А ведь одна из работ Дмитрия Сергеевича Лихачева посвящена проблеме русскости, определению того, что такое русская культура. Он как раз и посвятил свою работу выяснению этой проблемы. Но сегодня по телевидению (например, по НТВ) целые передачи посвящаются высмеиванию идеи национальной русской культуры и идентичности, где задаются вопросом: «Кто такие эти русские? Их вовсе нет. Что такое русская культура? Мы этого не знаем. Кремль — это итальянская архитектура, а храм Василия Блаженного — калька византийских соборов» и т. д. Эти высказывания вызывают серьезный протест, по меньшей мере недоумение. Когда нам говорят, в качестве аргумента, якобы убийственного для признания автономности русской культуры, что она, русская культура, впитала разные влияния: французское, немецкое, итальянское, что она лишь сборная солянка из обрывков чужих культур, я хочу возразить на это известной нам всем формулой: «Нам внятно всё — / и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений». Восприимчивость — такова особенность русской культуры, ее национальная черта. Именно эта черта делает русскую культуру культурой «всеединства», «всечеловечества», как об этом замечательно писал наш великий философ Вл. С. Соловьев.

Пожалуйста, профессор Роберт Илсон с репликой.

Р. Ф. ИЛСОН: — «Опыты» Монтеня были переведены на английский язык в 1603 году. Недавно в Германии я произнес речь, посвященную одному из персонажей Шекспира, в которой говорилось о судьбе Британского содружества. Речь шекспировского персонажа, написанная четыре столетия назад, оказалась весьма схожей с тем, что сегодня произносят политики в Европейском Союзе. Так что тема содружества культур актуальна всегда.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется Светлане Валентиновне Снапковской.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Как специалист в области русского, польского, белорусского языков, согласна с тем, что сказал Д. С. Лихачев: русская культура — это культура символическая, впитавшая многие элементы, в том числе из белорусской культуры. Я филолог, поэтому основываюсь на фактах.

Белоруссия всегда являлась культурным мостом между Западом и Востоком и несла западные влияния, уже переработанные в эмоциональном белорусском слове, в Россию. Более того, в процессе этой деятельности вырабатывались собственно белорусские национальные стили.

В XVI столетии известный белорусский философ, просветитель, литератор Франциск Скорина перевел на старобелорусский язык Библию. В Москве, в которую он приехал, чтобы распространять идеи просвещения и письменность, его не приняли. Через столетия, в XVII веке, белорусский просветитель, поэт, литератор Симеон Полоцкий распространяет эти идеи, и многие соглашались с тем, что западное просвещение нужно развивать. Западник, просветитель Симеон Полоцкий заложил несущие конструкции российского образования. В этом смысле он является предтечей Михаила Васильевича Ломоносова. Славянские работы предстают в замечательном синтезе, взаимодействуют в исторических эпохах.

Главная особенность российско-белорусского межкультурного диалога — взаимовлияние. В рамках единого русскоязычного культурного информационного пространства в современных условиях российский комплекс является преобладающим. Мы имеем в наличии культурно-историческую схожесть: историю, язык, культуру, национальное самосознание. В данном случае это сходство играет на руку сильнейшему. Отсюда стремление к поиску путей сохранения культурной уникальности малых и средних государств. Важно, чтобы политические и культурные элиты это понимали.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Идея конвергенции, сосуществования разных литератур и национальных культур важна. Я воспитывалась и училась в советской школе и советском университете. Мы изучали историю республик, стран бывшего СССР. Нужно вернуться к великолепному богатству культур разных стран, чтобы понять нашу литературу, культуру и язык. Когда мы работаем параллельно, пытаемся найти соответствия, различия, мы начинаем больше

любить и понимать собственный язык, культуру, историю.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Роберту Илсону.

Р. Ф. ИЛСОН: — Явление обмена, существовавшее еще на ранних этапах развития языка, затрагивает все его сферы. Давно признана и его важность. Естественно, что в современном глобализованном мире языковой обмен процветает как никогда ранее. Все наши основные языки используют заимствования. Даже во французском языке есть слово “globalisation”. Но французский чаще отдает предпочтение слову “mondialisation”. Итак, является ли mondialisation французской калькой от globalisation? Нет. Во-первых, оно, так же как и globalisation, употребляется с 1951 года. И еще важнее то, что, по мнению Жака Деррида, англо-американское слово “globalisation”, образованное от корня globe («сфера») — это исключительно географическое понятие, а именно то, что вызывает распространение по всему земному шару. Mondialisation происходит от слова “monde” (мир), как говорит Деррида, и это социально-культурное понятие: le monde для европейцев — прежде всего христианский мир, и mondialisation предполагает распространение господствующего влияния западного общества на весь свет.

Еще одну интересную деталь указал покойный профессор Э. Дж. Хобсбом. Слово «социализм» (в классической терминологии) имеет практически идентичную форму во всех западноевропейских языках, взятых нами в качестве образцов. Иначе обстоит дело со словом «забастовка»: strike (англ.), grève (фр.), Streik/Ausstand (нем.), huelga (исп.), sciopero (итал.). Для меня это означает следующее: радикальное движение последних 200 лет есть результат союза местных движений нижних социальных слоев (бастующие рабочие) и международной идеологии, навязанной сверху (типичные социалисты-интеллектуалы происходят из среднего или высшего класса).

Нас по сей день преследуют призраки заката и падения Римской империи, последующего дробления латинского языка на группу романских языков. Несколько лет назад Роберт Берчфилд, редактор Большого Оксфордского словаря английского языка, предположил, что английский язык, став международным, возможно, распадется на взаимно непонимаемые языки. Ранее некоторые советские ученые, кажется, высказывали похожие опасения о распаде русского языка. Но у распада есть альтернатива, так называемая койнезация. Койне, общий греческий язык, возник в качестве главного разговорного языка на территории эллинистического Средиземноморья. Этот язык стал результатом взаимной адаптации различных диалектов, существовавших в Греции в тот период. Он распространился на обширные земли, его статус возрос до того, чтобы стать языком Нового Завета. Очевидно, что народы западных районов Римской империи не нуждались в таком активном общении, как на-

следники Александра Македонского. Необходимость письменной коммуникации после падения Римской империи восполнялась использованием классической латыни. Наличие лексического обмена свидетельствует о том, что люди во всем мире настолько желают общаться друг с другом в письменной и устной форме, что ценят появление понятных всем эквивалентов названий предметов, свойственных любой культуре. Какое утешение!

Когда телеграф наконец-то связал штаты Мэн и Техас, Генри Дэвид Торо порадовался, что жители Мэна теперь могут общаться с жителями Техаса. Но у него были сомнения, захотят ли жители Мэна и жители Техаса что-либо сказать друг другу.

Если же приведенные нами данные о чем-либо свидетельствуют достоверно, то очевидно, что народы во всем мире хотят общаться.

С. Р. АБРАМОВ: — Приглашаю к микрофону господина Ренэ Герра, который сам олицетворяет собою диалог культур.

Р. ГЕРРА: — Французская литература не настолько монолитна, как было сказано. Уместно напомнить, что особенно в XX веке (и это продолжается) многие писатели не просто имели русское происхождение, но и говорили по-русски: я имел честь быть с знаком с Анри Труайя (он же Лев Тарасов), который родился в Москве и прекрасно говорил по-русски. Анри Труайя — это известный французский писатель, в сорок лет ставший академиком Французской академии, он писал замечательные романы и многое сделал для диалога наших литературных культур. Написал замечательные «Русские биографии» — о Пушкине, Жуковском, Достоевском, Толстом.

Также можно вспомнить известную французскую писательницу Натали Саррот, которая была русской и свободно говорила по-русски. Она тоже многое сделала для диалога культур.

Этот список можно продолжить. Представители первой волны эмиграции, особенно младшее поколение (но не только они), тоже внесли весомый вклад. Сейчас в России готовится к изданию трехтомник Надежды Городецкой, это наше поколение.

Диалог между культурами ведется испокон веков. Это обоюдное обогащение. Французы и русские были созданы друг для друга, у нас много общего. Поэтому, когда русские писатели и художники приезжали во Францию, они чувствовали себя как дома. Как и французы, которые приезжали в Петербург или Москву. Я в Петербурге чувствую себя прекрасно.

Диалог — это не пустые слова, не то, что мы придумали. Это постоянное взаимообогащение двух культур в течение веков. Меня, французского слависта, эта проблема волнует уже давно.

М. ПУШКИН: — Мой близкий друг Тони Блэк, друг Светланы Григорьевны Тер-Минасовой, 20 лет назад проанализировал либретто к опере «Кармен» и обнаружил, что в нем есть фразы, которых нет

в новелле Мериме, но есть в тексте поэмы Пушкина «Цыганы». Как это произошло, мы не знаем, но диалог культур существует.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Светлане Григорьевне Тер-Минасовой.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Мы живем в эпоху глобализации, которая управляет нашей жизнью. Человечество всегда мечтало о хорошей жизни, что наступит светлое настоящее. Великая мечта готова осуществиться, к этому уже есть научно-технические предпосылки, наступила эра коммуникации. Произошли парадоксальные явления, все народы внезапно стала интересовать проблема национальной идентичности, национальной культуры, те, кто забыл свой родной язык, неожиданно его вспомнили. Язык несет заряд культуры, отношение к людям, миру. Сейчас то же происходит с литературой и культурой.

Вместо того чтобы строить общий дом и общую жизнь, мы выделяем свою литературу, культуру и родной язык. О единстве мечтали русские поэты, например Сергей Есенин писал: «...людская речь в один поток сольется. Историк, сочиняя труд, над нашей розню улыбнется».

Единый поток — это угроза для национальной литературы. Такую угрозу несет и доминирование во всех сферах английского языка, англоязычного менталитета. Происходит наступление английского языка, американской культуры во всех формах и сферах: песни, фильмы, книги, пресса и т. д.

На конференции отмечалось не раз, что всем культурам угрожает поглощение, уничтожение, речь идет об убийстве языка и культуры. В выступлениях участников говорилось о французских писателях с русскими корнями, русских писателях с разными корнями. Можно говорить не о диалоге, а о венке культур. Диалог — когда говорят два партнера. А то, о чем говорили сегодня, — это переплетение культур. Борьба с глобализацией может привести к замыканию в рамках одной культуры, когда все начнут говорить, что между нами нет ничего общего. Это крах.

Я хотела бы вернуться к вопросу о культуре, глобализации и сказать в защиту английского языка следующее. Именно он является языком международного общения. Надо понимать, что английский язык стал глобальным языком международного общения совершенно объективно, в силу социально-исторических причин. Дело, разумеется, не в численности говорящих и не в мифе об особой легкости, гибкости, удобстве и тому подобных «качествах» английского языка.

Во-первых, солнце, которое никогда не садилось в Британской империи, теперь никогда не садится в империи английского языка.

Во-вторых, это язык супердержавы, которая правит миром.

Причину распространения английского языка видят в политическом, историческом, социальном аспектах, когда британское правление пало, флаг английского языка немедленно подхватили американцы.

Но когда распался Советский Союз, русский язык утратил свои позиции, потому что у нас не было соседних супердержав, в которых говорили бы на русском языке. Мир русского языка закончился вместе с Советским Союзом. Языки не подчиняются внешним законам, а живут своей жизнью.

Я хотела бы поговорить не только о том, что английский язык испортил жизнь всем народам и обезобразил их культуры, но и том, какие минусы эта ситуация таит для самого английского языка, какие опасности подстерегают англоязычные народы.

Преимущества англоязычных народов очевидны. Их родной язык стал средством международного общения. Им не нужно, в отличие от сотен миллионов говорящих на других языках, тратить время, здоровье и деньги на изучение английского, переводчиков и преподавателей и т. п. Но не все так просто.

Во-первых, представители англоязычных наций потеряли всякий интерес к изучению иностранных языков. Если человек хочет общаться, то он тратит время и силы на изучение других иностранных языков. Более того, изучение других культур и литератур нужно еще для того, чтобы понять и оценить свою культуру, глубже понять собственный язык. Неожиданно открываются новые грани своего языка, которые мы не видим, потому что для нас это родной язык и мы воспринимаем его как данное, часть нашего «я». Нельзя остаться равнодушным к языку, народу, язык которого ты изучаешь. Изучение языка — это путь к миру и дружбе между народами. В связи с тем, что весь мир изучает английский язык, все интересуются им, а с помощью языка — культурой этой страны. Часто мы знаем культуру изучаемого иностранного языка лучше, чем свою.

Во-вторых, статус английского языка как глобального средства общения грозит самим англоязычным народам, по мнению Д. Кристалла, еще и тем, что в этой ситуации возникает лингвистическая элита, состоящая из носителей языка, которая может использовать английский язык в корыстных целях и для манипуляций в разных сферах.

Во-третьих, став языком международного общения, английский язык как бы перешел во всеобщее пользование, стал всеобщим, международным, глобальным достоянием. С этим связаны два последствия. Первое: язык — это не только барьер, разделяющий народы, но и щит, защищающий национальную идентичность. Англоязычные народы, отдав свой родной язык в «международные» руки, потеряли свой щит, и им грозит утрата национальной идентичности. Язык выполняет две основные функции по отношению к формированию этнической идентичности: он не только отражает, но и формирует человека. И его функция в английском языке существенно нарушена. Глобальность языка — та цена, которую платят носители языка. Второе последствие: поскольку английский язык отдан в пользование и во власть всему миру, все народы, особенно многочисленные, подделывают его под свою культуру, свой менталитет и свой язык, то есть создают свой вариант английского языка. Термин “World Englishes” сейчас стал очень популярным, и издается научный журнал под таким названием.

В-четвертых, дело в том, что массовое распространение английского языка как глобального привело к созданию особой разновидности университетского «английского как иностранного», некоего усредненного, упрощенного для «бедных иностранцев», стандартного, унифицированного, «дистиллированного» языка.

В-пятых, как известно, существуют несколько вариантов английского, и они различаются. Настоящий английский вообще не существует как таковой. Есть несколько вариантов «подлинных» английских, служащих единственным средством общения для своих народов, из которых два основных: британский и американский. И разрыв между ними тоже непрерывно увеличивается. Бернард Шоу сказал, что англичане и американцы — два народа, разделенные общим языком. Это уже не парадокс. Английский язык меняется, существенно расходятся его варианты. Какой английский настоящий: австралийский, или британский, или американский?

В-шестых, английский язык как глобальный приобретает определенную негативную окраску. Агрессивная политика Соединенных Штатов Америки вызывает у многих народов негативное восприятие, и это переносится на язык.

В вопросе об английском языке как глобальном имеются противоречия диалектического характера, то есть такие, которые, по Гегелю, своей борьбой оказываются движущими силами прогресса общественной жизни. Все меняется, в связи с чем и возникают проблемы.

С. Р. АБРАМОВ: — Светлана Григорьевна затронула в своем выступлении несколько важных тем. Во-первых, если говорить о нашей любви к тем народам, языки которых мы изучаем, это правда, я испытал это на себе. Я немного изучал французский, итальянский, испанский языки и влюбился во Францию, Италию, Испанию. Английский я учу давно, поэтому с Англией у меня давняя любовь.

Присутствующие здесь Ренэ Герра и Майкл Пушкин — в каком-то смысле наша «пятая колонна» в западных странах, эти люди несут в себе и с собою любовь к России и русской культуре, что бы ни происходило между политическими элитами наших стран, как бы ни развивались отношения, они соединяют нас и открывают диалог культур.

Вторая важная мысль, затронутая Светланой Григорьевной, — это порча языка вследствие заимствования. Я, например, переживаю это как личную проблему: мне больно за русский, когда в нем используются исковерканные английские слова, и за английский, который в каком-то смысле подвергается глумлению. Мы, филологи, люди словесной культуры, должны практически этому сопротивляться. Например, всюду у нас используется слово «кликнуть» не в смысле окликнуть, как и должно быть в русском языке, а в смысле «Click now», то есть щелкать мышкой, это уродливое словопотребление, и таких примеров множество.

Слово предоставляется господину Майклу Пушкину.

М. ПУШКИН: — Мой доклад посвящен поэзии Вознесенского. В его стихах сплошное переплетение культур. Его всегда интересовал человек. Человек узнает себя в его произведениях. Проблема уверенности в себе касается и народа. Посмотрите, например, стихотворения «Русские Westники» (1990) или «Русские европейцы» (2007). Часто в его поэзии встречаются межкультурные реминисценции, отсылки к политическим личностям, много стихов посвящено его американскому другу Аллену Гинзбергу: мы читаем про век Сталина и Аллена.

Стихотворение 1984 года «Ядерная зима (Из Байрона)». В стихотворении 1816 года «Тьма» Байрон поэтически отреагировал на извержение вулкана. Эти байроновские строки на русский язык впервые переводит Тургенев. А Вознесенский пишет на эту же тему стихотворение: Вознесенский, по образованию архитектор, предсказывает ядерную зиму и ее тьму. Он хорошо представлял визуальные образы, соединял внутреннюю суть с внешней, глобальной.

Стихотворение «Васильки Шагала» (1973). Благодаря воображению поэта васильки мечутся в московском и парижском пространстве, но эти обособленные местности сливаются в глобальное единство посредством повторной фразы «небом единым жив человек».

В 1982 году он создал утопический проект в духе универсальной архитектуры. Во вступлении к нему он пишет: «Его пропорции соотносятся с размерами земного шара, наш глаз перспективно ищет соотношение с землей, человек осознает себя частью общего, в этот момент сможет передвигаться из города в город, из страны в страну, ритуально символизируя мировое единство человеческой культуры».

Музыка занимает видное место в поэзии Вознесенского. Часто в основе его произведений лежит мысль о духовных качествах искусства, способности музыки приносить собой спасение, например в поэме «Последние семь слов Христа» (1999). На переднем плане даже не музыка, а духовная тема. Межкультурное взаимодействие проявляется в текстах Вознесенского и в том, что приводятся цитаты на русском, английском, латинском языках, упоминается швейцарский хореограф, работающий в Брюсселе, алжирский писатель. Обозначены религиозные эмблемы трех крупных религий. В поэме «Беременный бас» (2001) мы видим осознание духовной силы музыки, поэма построена на сравнении разных культур. Упоминаются русский, американский музыканты. Поэт рисует духовную роль английской музыки с помощью игры слов: «без скращения и крещендо».

Музыкальная тематика особенно очевидна в некоторых стихотворениях личного характера конца XX — начала XXI века, например тема страха потери голоса. В одном из стихотворений выразительно изображено невольное молчание скрипки итальянского мастера. Вознесенский объявляет о глобальном стремлении к внутренней восприимчивости, в которой звучно поет внутренний голос, слышат не уши, а души.

С. Р. АБРАМОВ: — Вознесенский был интересен как человек, всю жизнь игравший словами (и это тема отдельного лингвистического анализа).

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Господин Пушкин, скажите, пожалуйста, образ переплетения культур, в частности русской и английской, преобладает в ранних стихотворениях Вознесенского либо более поздних, или трудно выделить определенный период?

М. ПУШКИН: — Трудно выделить определенный период, потому что, по-моему, всю жизнь с самого начала до последних лет в его творчестве отмечается это переплетение, «венюк культур», как сказала Светлана Григорьевна Тер-Минасова, причем диалог не только с английской, а со многими культурами.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Как Вы думаете, он в этом смысле уникален или это общее свойство современной русской поэзии?

М. ПУШКИН: — В некоторой степени переплетение культур есть в творчестве Евтушенко, у Рождественского почти нет, у него преобладает личная тематика (поэт, женщина, природа и т. д.). У многих поэтов присутствует тема встречи культур. Обобщать очень трудно, потому что все поэты индивидуальны.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Дарье Алексеевне Шукиной.

Д. А. ШУКИНА: — Мне понравилось выступление Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. Словосочетание «диалог культур» в современной науке стало междисциплинарным термином. Светлана Григорьевна предложила новый термин — «венюк культур». И эта метафорическая составляющая мне кажется очень привлекательной. Будем надеяться, что этот термин войдет в нашу жизнь.

Постижение культуры и другого языка, диалог культур могут происходить разными способами. Самый простой путь — это усвоение традиционных представлений на уровне сложившихся национальных стереотипов. Например, что думают русские о французах, англичанах, англичане — о нас и т. д. Очень важно чтение научной, художественной, публицистической литературы. Мы смотрим фильмы, спектакли, телепередачи, изучаем иностранный язык и сами преподаем. Путь изучения иностранной культуры через обучение тоже интересен.

Я много лет проработала в Санкт-Петербургской консерватории, учила аспирантов, в частности из Японии. Мой интерес к японской культуре проявился в попытке ответить на вопрос, как японская культура представлена в русской. В русский язык вместе с культурными реалиями вошли японские слова, например: сакура, сакэ, самурай. Мне было интересно узнать значение философского понятия «сатори». Моя японская аспирантка Мицука сказала, что это объяснить невозможно, но можно почувствовать или передать в длинном рассказе: люди сидят в саду за япон-

ской чайной церемонией, вода стекает по желобам в сосуд, когда он наполняется, последняя капля его переполняет, ударяется деревянная ложка, и тогда наступает просветление.

Обратимся к творчеству Б. Акунина, ведущего диалог с японской культурой в романе «Алмазная колесница», эссе и новелле «Кладбищенские истории», а также в японской пьесе-приложении к роману «Весь мир театр». Мы не будем говорить о художественных достоинствах творений Бориса Акунина, а поговорим о том, с какими интересными моментами можно столкнуться.

Мне, как филологу, было интересно, как он трактует японские слова, вводит их в российский контекст. Например, прямое толкование в тексте: «Гайдзин — иностранец»; или перевод в постраничной сноске: «Ёку ирассяимасита! — Добро пожаловать!»; или же широкий контекст: «Со вчерашнего дня не ел, не спал, только пил сакэ. В животе ноет. Но хара может потерпеть».

Я хочу сказать о том, каким образом возможно в литературном или художественно-публицистическом тексте отразить другое сознание. Опора на номинации-стереотипы предполагает переход на когнитивный уровень. Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) попытался это сделать.

В романе «Алмазная колесница» есть эпизод, увиденный с разных точек зрения представителями различных культур: глазами русского вице-консула и его японского слуги. Это знакомство главного героя с японской кухней. Японский слуга главного героя описывает прием пищи господином: «Господин порадовал отменным аппетитом, только вот манера поглощать пищу у него оказалась интересная. Сначала откусил маленький кусочек сколопендры, потом весь сморщился (должно быть, от удовольствия) и быстро-быстро доел, жадно запив ячменным чаем. От чая поперхнулся, закашлялся, разинул рот и выпучил глаза». А вот как описывает этот эпизод представитель русской культуры: «Завтрак, приготовленный туземным Санчо Пансой, был кошмарен. Как они только едят это склизкое, пахучее, холодное? <...> Не желая обижать японца, Фандорин поскорее проглотил всю эту отраву и запил чаем, но тот, кажется, был сварен из рыбьей чешуи».

Таких интересных преломлений одной культуры в другой у Акунина довольно много. Например, в романе «Алмазная колесница» особое место отводится традиционному японскому трехстишию хокку. Первая книга романа композиционно выстроена по структуре этого поэтического размера. Причем каждая глава второй части завершается написанным автором хокку, например «Не беречь красы / И не бояться смерти. / Бабочки полет».

Последнее произведение, «Весь мир театр», — это драматургическое приложение, своего рода стилизация, которая позволяет прочитать в целом текст этого произведения, написанного для массового читателя.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Вы сказали, что иностранец по-японски гайдзин. Этот перевод можно трактовать как комплимент?

Д. А. ЩУКИНА: — В тексте это японское слово дается русскими буквами просто как обозначение. Гайдзин означает чужак. И в слове «чужак» есть нечто иное, чем в слове «иностранец». На эту тему существуют интересные рассуждения русских, которые живут в Японии. Они говорят, что, как бы человек ни изучал японский язык и культуру, он никогда не станет японцем. Слово «гайдзин» — это высшая ступень. Отношение к иностранцам вообще характеризует разных людей, независимо от того, где они проживают, в Азии или Америке. Например, в Китае иностранца называют словом, которое означает «старая желтая шляпа», то есть чужой, несимпатичный, неприятный.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Я совершенно с Вами согласна. Конечно, к чужакам всегда и везде относились настороженно.

Р. ГЕРРА: — Когда пытались перевести название романа Камю “Étranger”, были предложены разные варианты, в том числе «Иностранец», «Посторонний» и «Чужак». Прекрасный перевод — «Иностранец», но есть советские переводы с другим названием — «Посторонний».

С. Р. АБРАМОВ: — А как правильно, по-Вашему?

Р. ГЕРРА: — «Иностранец» более нейтральное, не «чужак», где есть негативные коннотации.

Д. А. ЩУКИНА: — У «посторонних» тоже есть коннотация.

Р. ГЕРРА: — Да, но другая.

Р. Ф. ИЛСОН: — Каждый язык формирует свою уникальную картину мира, используя порой при этом слова, обозначающие непередаваемые концепты, специфические для каждой культуры. Их значение трудно описать средствами другого языка, поскольку они формируются всей культурно-языковой системой.

С. Р. АБРАМОВ: — Весьма значимо замечание о том, что каждый язык формирует свой мир. И когда исследователь вступает в новый мир, о чем сейчас говорил Роберт Илсон, он не знает, какие вопросы задавать, поэтому многие глубинные понятия этого языка остаются неизведанными для внешних исследователей, не находят правильного эквивалента перевода.

Слово предоставляется профессору Чарльзу МакГрегору.

Ч. МакГРЕГОР: — Эта конференция посвящена вопросам культуры, в том числе двум важным составляющим культуры — литературе и языку.

Что мы имеем в виду под термином «культура»? За последние 350 лет прескриптивный смысл культуры уступил место дескриптивному значению:

- а) воспитание детей называется культурой их ума;
- б) культура — получение знаний обо всем лучшем в мире, что было создано и сказано;

в) культура — это некое сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества.

В XX веке термин «культура» иногда используется в значении (в), при этом в качестве периферийных оттенков значения выступают или одно из значений или оба значения — (а) и (б).

Удобно перечислять межкультурные универсалии как отдельные пункты, но они существуют в контексте, в окружающей среде, с которой их элементы постоянно вступают во взаимодействие. Что представляет собой эта окружающая обстановка? К чему относится слово «глобальный» в словосочетании «глобальный мир»? Я предлагаю описать термин «глобализация» с помощью ее причин и результатов.

Я предлагаю две основные причины: изменения международной торговли и коммуникаций.

Глобальный мир — это мир с большим количеством миграций из бедных стран в богатые, при этом в странах-реципиентах происходят соответствующие демографические изменения. Это мир, где капитал быстро перемещается из одной страны в другую, а пропасть между бедными и богатыми странами становится все глубже. Обмен информацией осуществляется достаточно легко внутри стран и между странами, и эта информация не подвергается жесткому контролю правительств.

Это также мир, в котором страна с населением в 300 млн человек занимает доминирующее положение. Такое превосходство основано на сильной экономике этой страны, расходах на оборону, достижениях теоретической и прикладной науки, развитых средствах массовой информации и культурных завоеваниях, доставшихся этой стране в наследство от Британской империи, частью которой эта страна когда-то являлась. Мягкая сила Америки уже не кажется остальному миру такой неотразимой; она привлекает не больше, чем прежде привлекала давно ушедшая в историю Британская империя. Империалистическим державам нравится думать, что своим господством они обязаны не только военному, но и нравственному превосходству.

Я хочу рассмотреть теорию об отношениях между культурами: культурный релятивизм, основанный на равенстве культур. Наши суждения о других культурах основаны на собственных ценностях, и все же мы порой не хотим признавать моральный релятивизм. Абсолютные истины звучат убедительнее: они придают нравственному утверждению большую весомость. Но даже абсолютные истины содержат противоречия.

По словам Фукидида, «большие народы делают то, что хотят; малые народы принимают то, что должны». Европейские империи XIX и начала XX веков — Французская, Британская империи или царская Россия — стремились, прежде всего, внести изменения, например, в форму правления, в законы и обеспечение правопорядка, структуру экономики,

сельское хозяйство, транспорт, обучение (обычно меньшей части населения) и язык. Религия также привлекала внимание британцев: миссионеры из Великобритании стремились принести на мрачную землю Африки свет, свободу и цивилизацию.

Британскую империю не вернуть, но она все еще представляет собой определенный интерес, так как ее англоязычная преемница сохраняет некоторые из ее отличительных особенностей. «Стратегия национальной безопасности США», которую президент Буш-младший опубликовал в сентябре 2002 года, имеет много общего с культурным наследием Британии, описанным Фергюсоном. В доктрине Буша утверждается, что цель США — «распространить блага свободы на весь мир». Эта мысль получает в документе дальнейшее развитие: «Мы будем активно работать и нести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и свободную торговлю в каждый уголок мира... Америка должна неустанно выступать в поддержку бескомпромиссных требований уважения человеческого достоинства; соблюдения законов; ограничения абсолютной власти государства; свободы слова; свободы вероисповедания; равенства перед законом; уважения женщин; религиозной и этнической терпимости; уважения частной собственности». Эти основания для вмешательств во внутренние дела государств уже озвучивались в США, например в «доктрине», провозглашенной президентом Монро в 1823 году. Однако американские вмешательства отличались (и отличаются) от прошлых вмешательств Британской империи в одном отношении: в ходе этих вмешательств территории стран-реципиентов не заселялись (и не заселяются) поселенцами из США. Американцы считают, что их Революция основала республику свободных людей, и в идейном отношении это якобы обусловило невозможность для американцев стать впоследствии империалистами. Так ли это?

С. Р. АБРАМОВ: — К микрофону приглашается Алексей Владимирович Ковтун.

А. В. КОВТУН: — Я хочу, чтобы наша дискуссия помогла примирить культуры, которые не всегда друг друга понимают, не всегда дают возможность стать ближе друг к другу. Хочу сказать несколько слов о негативных аспектах перевода Библии как сакрального текста в диалоге культур.

При переводе Библии часто наблюдалась ситуация, когда было знание языка, но не было знания культуры. Кроме того, возникала проблема несовпадения церковных традиций.

Как известно, Библия является сводом книг, написанных в разное время разными людьми. Все они имеют общую цель: создать у читающего человека представление о единстве Бога как Творца и человеке как его творении. В этом отношении Библия действительно является сакральным текстом, светская же литература, как правило, антропоцентрична, в центре — человек с его переживаниями, Библия

направлена на воссоединение Заветов, Ветхого и Нового, единение человека с Богом.

Перевод Библии на национальные языки был обусловлен тем, что нужно было донести до разных народов весть о Христе. Однако эта весть несла с собой еще и заряд агрессии, то есть человек должен был приобщиться к иной культуре. Например, в истории славянских народов христианство насаждалось огнем и мечом. Библия до конца не была понята русским человеком, потому что навязывалась. В сознании русского человека постоянно соперничали две тенденции. С одной стороны, человек воцерковлен, он знает, что такое обряд, как поставить свечку, перекреститься, время атеизма прошло, однако у него разорвано сознание, эстетическая составляющая. И часто человек в поисках этого подтверждения начинает создавать свой мир, привносить дополнительный смысл, который мешает понять истину Священного Писания.

Печальный пример: как церковнославянский язык, преломляя истины, написанные на древнегреческом языке, в сознании людей по-разному воспринимался. В наши дни существует множество переводов Священного Писания на русский язык, более тридцати, и все они так или иначе восходят к первому национальному переводу Библии (так, по крайней мере, пишет профессор К. И. Логачев).

Однако возникает проблема: человек, который читает Библию, переведенную в конце XIX века, понимает, что текст во многом устарел, хотя некоторые места до сих пор понятны. Для того чтобы пояснить, что я имею в виду, хочу привести следующий пример. Молодые люди пришли в церковь венчаться, им зачитывается апостольское послание, а они все воспринимают буквально: чтобы жена как можно скорее родила ребенка. Такие драматичные ситуации свидетельствуют о том, что современный человек далеко не всегда понимает то, что написано в Библии или в книгах, которые на ней основаны, и часто в лучшем случае возникает непонимание, в худшем — это чревато выяснением отношений на уровне церковных людей, религиозного сознания русского человека.

В заключение хочу сказать, что современные переводы иллюстрируют множество примеров следования за Толстым. Вряд ли сейчас найдется переводчик, который на самом деле вернулся бы к начальному смыслу слова, текста, заложенному оригинальными авторами. В настоящее время предпринимаются попытки издать современный перевод Библии, но далеко не всегда эти переводы будут удачными, поэтому время покажет, удастся преодолеть этот конфликт или нет.

Р. Ф. ИЛСОН: — Не говоря уже о том, что понимание текстов Священного Писания профессионально обусловлено, что влияет и на переводческую практику. Английских переводов Библии значительно больше, все они делались с надеждой стать универсальными, для всеобщего использования. Однако иудеи не принимают важнейшую для христиан молитву «Отче наш», поскольку не допускают даже

мысли о столь фамильярном обращении к Богу, само имя которого считают неприемлемым.

С. Р. АБРАМОВ: — Что касается библейских текстов в частности и понимания «сакрального» вообще, то, надеюсь, когда-нибудь мы придем к общему пониманию проблемы. Надежды, о которых говорил Роберт Илсон, не оправдались. Они и не могли оправдаться. Каждый перевод имеет свою целевую конфессиональную аудиторию, не говоря уже об авторских и стилистических особенностях текста. Универсальным он может стать лишь при наличии универсального понимания сакрального, то есть при единой всеобщей религиозной догматике, что заведомо неосуществимо. В каждой религии есть собственное представление об истине, свой свод канонов и догматов. Наивное представление существовало и существует среди наших христиан, которые полагали, что раз Бог

един, то он един для всех, тем самым подменяя онтологическую характеристику гносеологической. Не знаю, охватывает ли это заблуждение и европейцев: что мы все (христиане, иудеи, мусульмане) якобы верим в одного Бога. Я всегда знал, что это не так, что христианский Бог — это Бог-Троица, чему нет места в исламе. То, о чем сказал господин Илсон, подтверждает и невозможность единства между христианством и иудаизмом. Поскольку для христиан фундаментально представление о Боге как отце, а в оригинале Молитвы Господней употребляется не просто слово «отец» (звательный падеж «отче»), а ласковая, уменьшительная, даже интимная арамейская форма «авва» — «папа, папочка», более интимная форма обращения к Богу, что, конечно, выглядит едва ли не кощунством для правоверных иудеев и мусульман.

Заседание нашей секции подошло к концу, надеюсь, что оно было успешным. Спасибо всем за участие!